

Артур Конан Дойл

Родни Стоун

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Д55

Д55 Дойл А.К.
Родни Стоун / Артур Конан Дойл – М.: Книга по Требованию, 2012. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-2038-1

Увлекательный исторический роман, действие которого разворачивается в Англии начала 19 века. Одно из первых произведений мировой литературы, посвященное миру спорта. Замечательное изображение боксерских поединков и конных состязаний. Сам А. Конан Дойл считал роман «Родни Стоун» одним из своих лучших произведений.

ISBN 978-5-4241-2038-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Артур Конан Дойл
Родни Стоун

Глава I

МОНАХОВ ДУБ

Сегодня, первого января тысяча восемьсот пятьдесят первого года, девятнадцатый век перевалил на вторую половину, и многие из нас, те, кто делил с ним юность, уже получили не одно предупреждение, что годы не прошли для нас даром. Седовласые старики, мы собираемся вместе и вспоминаем былые славные дни, но, когда заговариваем со своими детьми, оказывается, что они нас не понимают. Мы жили почти так же, как наши отцы, а вот наши дети, которые не представляют себе жизни без железных дорог и пароходов, — люди иного века. Можно, конечно, засадить их за учебники истории, и из этих учебников они узнают про нашу изнурительную двадцатилетнюю борьбу с великим человеком, со злым гением. Они узнают, как свобода покинула просторы Европейского континента, как была пролита кровь Нельсона и разбито благородное сердце Питта, противоборствовавших ее исчезновению, не желавших, чтобы, найдя приют у наших братьев за океаном, она навеки покинула нас. Обо всем этом они прочтут в книгах, где точно указана дата того или иного договора, той или иной битвы, но откуда они узнают про нас самих, про то, что за люди мы были, как мы жили, каким представлялся нам мир, когда мы были так же молоды, как они сегодня?

Ежели я берусь за перо, чтобы рассказать вам обо всем этом, не ждите от меня рассказа о моей собственной жизни, ибо в те дни я был еще слишком молод и, хотя оказался свидетелем иных жизненных историй, моя собственная лишь начиналась. Историю жизни мужчины создает женщина, ее любовь, а до той поры, когда я впервые заглянул в глаза матери моих детей, должно было пройти еще немало лет. Нам кажется, что мы встретились только вчера, а ведь наши дети уже легко достают в саду сливы, нам же для этого нужна лестница, и на дорожках, где мы, бывало, гуляли, держа их крохотные ручки, мы теперь рады опереться на их сильные руки. Рассказ мой будет о той поре, когда я знал только любовь моей собственной матери, и, если вы ждете чего-то иного, отложите в сторону мою повесть, она не для вас. Но если вы готовы погрузиться со мною в тот забытый мир, если вы не прочь узнать Джима и Чемпиона Гаррисона, если хотите познакомиться с моим отцом, одним из сподвижников адмирала Нельсона, если захотите взглянуть на самого великого моряка и на Георга, впоследствии недостойного короля Англии, если к тому же вы захотите увидеть моего знаменитого дядюшку, сэра Чарльза Треджеллиса, короля щеголей, и знаменитых бойцов, чьи имена еще и сегодня не сходят у вас с языка, тогда дайте мне руку, читатель, и отправимся в путь. Но, пожалуйста, не надейтесь найти во мне занимательного гида, не то вы будете разочарованы. Когда я смотрю на свои книжные полки, я вижу, что одни только мудрецы, остроумцы и храбрецы отваживаются писать о собственной жизни. Что же до меня, то, если я не глупее и не трусливее других обыкновенных людей, этого с меня вполне довольно. Одно могу сказать о себе: искусники и умельцы хвалили мою голову, а мудрецы хвалили мои руки. И хвастать мне нечем — разве только одной врожденной способностью к музыке: я легко и быстро выучиваюсь играть на всяком музыкальном инструменте. Внешность у меня самая заурядная — роста я среднего, глаза не то серые, не то голубые, а волосы, пока природа не припорощила их сединой, были то ли светлые,

то ли каштановые. Впрочем, одно я, пожалуй, могу сказать с уверенностью: во всю жизнь я ни разу никому не позавидовал, всегда восхищался людьми более одаренными и всегда все видел таким, как оно есть на самом деле, в том числе и себя самого: думаю, это и дает мне право сейчас, в зрелые годы, писать свои воспоминания.

Итак, с вашего разрешения, отодвинем мою особу на самый задний план. Постарайтесь вообразить, будто я тонкая, бесцветная нить, на которую нанизываются жемчужины, и это будет как раз то, чего я хочу.

В нашем роду, в роду Стоунов, мужчины из поколения служили на флоте и старшего сына у нас всегда нарекали именем любимого адмирала отца. Так можно проследить нашу родословную до самого Вернона Стоуна, который в сражении с голландцами командовал остроносым пятидесятипушечным кораблем с высокой кормой. После него был Хоук Стоун, который в свою очередь в году от рождения Христова 1786-м в приходской церкви св. Фомы в Портсмуте дал мне при крещении имя Родни.

Стоит мне поднять сейчас голову, как я вижу в саду за окном своего рослого мальчика, и, если я его окликну, вы поймете, что и я остался верен традициям нашего рода: его зовут Нельсон.

Моя дорогая матушка, лучшая из матерей, была второй дочерью преподобного Джона Треджеллиса, священника в Милтоне, скромном сельском приходе, граничащем с Лэнгстонскими топями. Семья ее была небогатая, но с положением, ибо ее старший брат был тот самый сэр Чарльз Треджеллис, который унаследовал богатство некоего индийского купца и был одно время притчей во языцах, да к тому же состоял в близкой дружбе с принцем Уэльским. Далее я еще расскажу вам о нем, а пока заметьте только, что он был мой родной дядя и брат моей матушки.

Я помню ее на протяжении почти всей ее прекрасной жизни, ибо она вышла замуж; очень юной, и в ту пору, когда я впервые запомнил ее нежный голос и хлопотливые руки, она была еще совсем молоденькая. Матушка представляется мне прелестной женщиной с добрыми, кроткими глазами, роста, правда, небольшого, но зато с горделивой осанкой. Помню, в те дни она всегда носила платья из какой-то сиреневой переливающейся ткани и белый платок на высокой белой шее, и ее ловкие пальцы, вооруженные вязальным крючком или спицами, сновали как членок. Вот она передо мной в зрелых годах, нежная и любящая, что-то придумывает, изобретает, изворачивается, чтобы на скучное лейтенантское жалованье вести хозяйство и не ударить лицом в грязь перед соседями. И теперь, стоит мне только войти в гостиную, и я снова ее вижу — за плечами у нее восемьдесят с лишним лет безгрешной жизни, волосы уже совсем седые, лицо спокойное; на ней изящный, отделанный лентами чепец, очки в золотой оправе, на плечах шерстяная шаль с голубой каймой. Я любил ее молодую и люблю в старости, и, когда ее не станет, она унесет с собою что-то, чего уже никогда ничем не заменишь. У вас, быть может, много друзей, читатель, вы, быть может, не однажды вступали в брак, но мать у вас одна, и второй не будет, а потому лелеите ее, пока можете, ибо настанет день, когда всякий опрометчивый поступок, всякое сказанное ей необдуманное слово вновь вернется к вам и еще больнее ужалит ваше собственное сердце.

Такова была моя матушка. Что до моего батюшки, то я смогу описать его

лучше, как только дойду в своем рассказе до времени, когда он вернулся домой со Средиземного моря. Все детство я знал лишь его имя да лицо на миниатюре, которую матушка всегда носила на шее в медальоне. Поначалу мне говорили, что он сражается с французами, а потом, с годами, стали говорить уже не о французах, а все больше о генерале Буонапарте. Помню, с каким благоговейным страхом я смотрел на гравированный портрет великого корсиканца, выставленный в витрине книжного магазина на Томас-стрит в Портсмуте. Так вот он каков, заклятый враг, в жестоком и нескончаемом поединке с которым прошла жизнь моего батюшки! В моем детском воображении они дрались один на один, и я всегда представлял себе, что мой отец и этот бритый тонкогубый господин сошлись врукопашную и никак не могут одолеть друг друга в смертельной, затянувшейся на годы схватке. И только в школе я понял, как много на свете мальчиков, чьи отцы, как и мой, сражались с Буонапартом.

За все эти долгие годы батюшка мой лишь однажды побывал дома, — вот что значило в те дни быть женой моряка. Он приехал к нам почти сразу после того, как мы переселились из Портсмута в Монахов дуб, и пожил с нами неделю перед тем, как отправиться в плавание с адмиралом Джервисом, чтобы помочь ему стать лордом Сент-Винсентом. Помнится, он испугал и пленил меня бесконечными рассказами о сражениях, и я вспоминаю, точно это было вчера, с каким ужасом я глядел на пятно крови на кружевной манжетке его рубашки, хотя появилось оно, конечно же, всего лишь из-за оплошности при бритье. Но в ту пору я не сомневался, что это кровь какого-нибудь поверженного француза или испанца, и в ужасе отшатывался, когда он гладил меня по голове своей загрубелой рукой. Потом он уехал, и матушка горько плакала, а я глядел, как его синий мундир и белые панталоны удаляются по садовой дорожке, и не испытывал ни малейшего огорчения — со свойственным ребенку бессознательным эгоизмом я чувствовал, что без него мы с матушкой гораздо ближе друг другу.

Когда мы переехали из Портсмута в Монахов дуб, мне шел одиннадцатый год; перебраться в это небольшое селение в графстве Суссекс, к северу от Брайтона, нам посоветовал мой дядя, сэр Чарльз Треджеллис: тут неподалеку была расположена усадьба одного из его высокопоставленных друзей, лорда Эйвона. Мы покинули Портсмут, потому что сельская жизнь дешевле и, кроме того, вне круга людей, которым матушка по своему положению вынуждена была оказывать гостеприимство, она могла без большого труда сохранить видимость уклада, какой подобает благородному семейству. То были тяжелые времена для всех, кроме фермеров, — они, как я слышал, вполне могли возделывать лишь половину своей земли и все-таки жить припеваючи: пшеница в ту пору была в цене, она стоила по сто десять шиллингов за четверть, а четырехфунтовый хлеб — шиллинг и девять пенсов. И даже в нашем скромном домике мы сводили концы с концами только благодаря тому, что отец служил на одном из кораблей эскадры, державшей блокаду, где изредка перепадал случай получить призовые. Линейные корабли, крейсировавшие у Бреста, не могли заработать ничего, кроме славы, но фрегаты захватывали каботажные суда, которые — таков был закон — становились собственностью флота, весь груз обращался в деньги, и их выдавали в качестве призовых.

Таким образом, денег, которые посыпал отец, хватало на то, чтобы содержать дом и отдать меня в школу мистера Джошуа Аллена, где за четыре года я превзо-

шел все, чему он мог научить. Там я и познакомился с Джимом Гаррисоном, племянником деревенского кузнеца, Чемпионом Гаррисона. Малыш Джим мы его называли. Вот он передо мной, каким он был в то время: большие, нескладные и неловкие руки и ноги, точно лапы у щенка ньюфаундленда, а лицо такое, что все женщины на него оглядывались. В те дни и началась наша дружба, дружба, которая продолжалась всю жизнь и сейчас, на склоне лет, все еще связывает нас узами братства. Я помогал ему делать уроки, ибо самый вид книги внушал ему отвращение, а он, в свою очередь, учил меня боксировать, бороться, ловить руками форель в Эйдре и ставить ловушки на кроликов, — руки его были так же скоры, как нетороплива мысль. Но он был двумя годами старше меня и, задолго до того, как я кончил учение, начал помогать своему дяде в кузнице.

Монахов дуб расположены в одной из долин Даунса, и столб с пометкой «сорок третья миля» на пути от Лондона к Брайтону стоит как раз на окраине. Это совсем небольшое селение с увитой плющом церковью, красивым домом священника и выстроившимися в ряд домиками из красного кирпича, при каждом — садик. На одном конце перед домом Чемпиона Гаррисона стояла кузница, а на другом школа мистера Аллена. Мы жили в желтом домике чуть поодаль от дороги; его второй этаж был слегка выдвинут вперед, и из штукатурки выступали черные деревянные балки. Не знаю, цел ли он там и поныне, но скорее всего цел, ибо в таких местах веками ничего не меняется.

Прямо напротив нас, через широкую меловую дорогу, стояла гостиница, которую в ту пору содержал Джон Каммингз; в нашем селении Каммингз пользовался отличной репутацией, но вдали от дома способен был, как вы увидите дальше, на странные выходки. Хотя движение на дороге было довольно оживленное, но от Брайтона до нас было рукой подать, и лошади не успевали притомиться; тем же, кто ехал из Лондона, не терпелось поскорей добраться до места, так что, если бы не случались какие-нибудь поломки да не соскакивали колеса, хозяину приходилось бы рассчитывать на одних только сельских выпивох. В те дни принц Уэльский только что возвел у моря дворец, и в брайтонский сезон, то есть с мая по сентябрь, мимо наших дверей каждый божий день с грохотом проносилось от ста до двухсот карет, колясок и фаэтонов. Летними вечерами мы с Джимом нередко растягивались на траве при дороге, во все глаза глядели на знатных господ и громкими радостными криками встречали лондонские экипажи; они с грохотом мчались мимо, окутанные облаками пыли; коренники и передовые кони тянули изо всех сил, пронзительно заливались рожки, на кучерах были шляпы с низкими тулями и с изогнутыми полями, и лица их пылали таким же алым цветом, как их ливреи. Когда Джим криками приветствовал пассажиров, они лишь смеялись, но если бы они могли разглядеть его большие, хоть и не совсем еще оформленные, руки и ноги и широкие плечи, они, быть может, по-глядели бы на него внимательнее и не оставили бы его приветствие без ответа.

Джим не помнил ни отца, ни матери, он все детство прожил со своим дядей, Чемпионом Гаррисоном. Гаррисон был сельский кузнец, а Чемпионом его прозвали потому, что он выступал против Тома Джонсона, когда тот был чемпионом Англии, и, конечно, побил бы его, если бы бедфордширские власти не прервали бой. Многие годы не было в Англии такого выносливого боксера, как Гаррисон, и никто лучше него не умел нанести последний, решающий удар, хотя, как я понимаю, он не был скор на ноги. А потом случилось так, что в бою с Черным

Барухом он под конец нанес такой сокрушительный удар, что тот не только перелетел через канаты, но и долгие три недели находился между жизнью и смертью. Все это время Гаррисон был точно помешанный, он каждую минуту ждал, что вот сейчас тяжелая рука полицейского опустится ему на плечо и его будут судить за убийство. Этот случай и мольбы жены заставили его навсегда отказаться от бокса, и всю свою недюжинную силу он направил на ту единственную профессию, в которой был от нее толк. Суссексским фермерам и многочисленным проезжим постоянно требовались услуги кузнеца, так что Гаррисон быстро разбогател и, сидя по воскресеньям в церкви с женой и племянником, выглядел человеком весьма почтенным.

Росту Гаррисон был небольшого, всего пяти футов и семи дюймов, и, будь у него руки хоть на дюйм длиннее, он ни в чем бы не уступил Джексону или Белчеру в их лучшую пору. Грудь у него была колесом, а таких могучих предплечий я в жизни не видал: набухшие мышцы походили на обточенные волнами камни, а между ними пролегали глубокие впадины. Несмотря на огромную силу, он был человек тихий, благонравный и добрый — всеобщий любимец в нашей округе. Его крупное, невозмутимое выбритое лицо становилось в иных случаях очень суровым, но для меня, да и для всех детей, у него всегда находилась приветливая улыбка и веселый взгляд. Все нищие, сколько их было в нашей округе, знали, что сердце его так же мягко, как тверды мышцы.

Больше всего на свете он любил рассказывать про свои былые схватки, но стоило невдалеке показаться его женушке, как он тут же замолкал, ибо одна тень постоянно омрачала ее жизнь: она боялась, что рано или поздно он забросит кувалду и рашпиль и снова вернется на ринг. Не забывайте, что в ту пору бокс не утратил еще доброй славы. Но постепенно общественное мнение стало относиться к нему враждебно, по той причине, что он перешел в руки мошенников и около ринга начали подвизаться всякие негодяи. Даже самый честный и храбрый боксер невольно оказывался средоточием всяческих подлостей и спекуляций, так же как это бывает с ни в чем не повинными благородными скаковыми лошадьми. Вот почему бокс доживает в Англии последние дни, и можно думать, что, когда Конту и Бендиго придет конец, заменить их будет некому. Но в дни, о которых я рассказываю, все было совсем иначе. Общественное мнение всячески поддерживало бокс, и на то были серьезные причины. Шла война; армия и флот Англии состояли сплошь из добровольцев, вояк по призванию, и им суждено было, как и в наши дни противостоять государству, которое в силу царившего в нем деспотизма могло любого гражданина превратить в солдата. Если бы англичане не были одержимы страстью ко всякого рода поединкам, Англии бы не миновать поражения. И в ту пору полагали — и не без оснований, — что схватка двух бесстрашных бойцов на глазах у тридцати тысяч зрителей, которую к тому же обсуждают еще три миллиона человек, помогает воспитывать в людях смелость и выносливость. Спорт этот, что и говорить, жестокий, и именно жестокость приведет его к гибели, но он не так жесток, как война, которая его переживет. Разумно ли поэтому воспитывать граждан в духе миролюбия сейчас, когда от их воинственности может зависеть само их существование, — это решать людям поумнее меня. Но так мы судили в дни, когда были еще живы ваши деды, и вот почему такие государственные мужи и филантропы, как Уиндем, Фокс и Олторп, всячески поддерживали ринг.

Покровительство столь достойных людей уже само по себе, казалось, было залогом того, что на ринге не будет места ни мошенничеству, ни грязи, которые в конце концов туда проникли.

Больше двадцати лет, в дни Джексона, Брейна, Крибба, Белчеров, Пирса, Галли и других, на ринге задавали тон люди, чья честность была вне подозрений, и именно в это двадцатилетие ринг, как я уже говорил, способствовал благу государства. Всем известно, что Пирс в Бристоле вынес из горящего дома девушку, что Джексон заслужил уважение и дружбу лучших умов тех дней, что Галли избран был в первый после реформы парламент. Вот каковы были тогда лучшие боксеры, да к тому же каждому было ясно, что пьянице или развратнику здесь не преуспеть. Разумеется, в семье не без урода — были и негодяи вроде Хикмена, и грубые животные вроде Беркса; но в большинстве это были люди честные, храбрые, невероятно выносливые, и они делали честь стране, которая их взрастила. Как вы увидите дальше, мне довелось познакомиться с некоторыми из них довольно близко, и я знаю, что говорю.

Все наше селение очень гордилось, что среди нас живет такой человек, как Чемпион Гаррисон, и всякий, кто останавливался в гостинице, непременно шел к кузнице, чтобы взглянуть на него. И поглядеть было на что, особенно зимним вечером, когда они с Джимом размахивали молотами и при каждом ударе по раскаленному лемеху плуга разлетались во все стороны искры, окружая их сверкающим ореолом, а красное сияние горна бросало отсвет на могучие бицепсы дяди и на гордый ястребиный профиль племянника. Чемпион Гаррисон с размаху ударял один раз тридцатифунтовой кувалдой, а Джим дважды ручным молотом, и стоило мне услышать «кланк, клинк-клиник, кланк, клинк-клиник!», как я тут же со всех ног бежал к кузнице в надежде, что, раз оба они у наковальни, меня, быть может, допустят к кузнецким мехам. За все годы, прожитые в Монаховом дубе, мне вспоминается лишь один случай, когда Чемпион Гаррисон на мгновение вдруг стал тем человеком, каким был прежде. Как-то летом, поутру, когда мы с Джимом стояли у дверей кузницы, на дороге со стороны Брайтона показалась карета, запряженная четырьмя свежими лошадьми; медь на сбруе празднично сияла, и мчалась карета с таким веселым звоном и громом, что Чемпион выскоичил из кузницы, держа в руках еще зажатую клеммами подкову. Господин в белой кучерской пелерине — знатный рингоман, как мы тогда называли аристократов — покровителей бокса, — правил коляской, а полдюжины его приятелей с хохотом и криками теснились у него за спиной. Быть может, он заметил рослого кузнеца и захотел подшутить над ним, а может, то была чистая случайность, но, когда карета мчалась мимо кузницы, двадцатифутовый кнут со свистом разрезал воздух и хлестнул по кожаному фартуку Гаррисона.

— Эй, сударь! — закричал кузнец вслед коляске. — Вам на козлах не место, вы еще с кнутом не научились управляться.

— Что такое? — воскликнул проезжий, осаживая лошадей.

— Советую вам поостеречься, господин хороший, не то не миновать кому-то окриветь на этой дороге.

— Ax, вот как? — сказал проезжий, вкладывая кнут в гнездо и стаскивая кучерские перчатки. — Сейчас я с тобой побеседую, любезный.

В ту пору знатные повесы были по большей части отличные боксеры, ибо тогда считалось модным пройти курс у Мендосы, как несколько лет спустя всякий

светский человек почитал своим долгом потренироваться с Джексоном.

Удалые и заносчивые, они никогда не упускали возможности подраться, и почти всегда их случайные противники — лодочники, матросы — оказывались нещаднобиты. И этот господин, видно, не сомневался в исходе стычки: он живо соскочил с козел, сбросил пелерину и изящно подвернул кружевные манжеты белой батистовой рубашки.

— Сейчас я тебе заплачу за совет, братец!

Господа, сидящие в карете, без сомнения, знали, кем был силач кузнец, и, видя, в какую переделку попал их приятель, предвкушали отличное развлечение. Они громко хохотали и развеселыми голосами подавали ему всевозможные со-веты.

— Посбейте с него сажу, лорд Фредерик! — кричали они. — Покажите этому задире, где раки зимуют! Вывалийте в его собственной золе! Поживей, не то он даст тягу!

Распаленный этими криками, молодой аристократ с угрожающим видом направился к противнику. Кузнец словно врос в землю, губы его сурово сжались, и нахмурились кустистые брови над зоркими серыми глазами. Клещи он бросил, и руки его свободно повисли по бокам.

— Поберегись, господин хороший, — сказал он. — Не то как бы не было худа.

Голос его звучал так уверенно, все в нем дышало таким спокойствием, что молодой лорд насторожился. Он пристальное взгляделся в противника и вдруг раскрыл рот и опустил руки.

— Черт подери! — воскликнул он. — Да ведь это Джек Гаррисон!

— Он самый, сударь.

— А я-то принял вас за какого-то грубияна. Да я не видел вас с того самого дня, когда вы чуть не убили Черного Баруха. Пришлось мне тогда выложить кругленькую сумму!

Ну и хохотали же его приятели!

— Попался! Попался, черт возьми! — вопили они. — Это Джек Гаррисон, боксер! Лорд Фредерик хотел одолеть бывшего чемпиона. Стукни его разок, Фред, и посмотри, что будет.

Но тот, хохоча чуть ли не громче всех, уже снова взобрался на козлы.

— На сей раз прощаются, Гаррисон, — сказал он. — А это ваши сыновья?

— Это мой племянник, сударь.

— Вот ему гинея! Ему не придется жаловаться, что я лишил его дяди.

И так, посмеявшись над самим собой, он отвратил от себя насмешки приятелей, хлестнул лошадей, карета помчалась дальше, и через пять часов седоки уже были в Лондоне; Джек Гаррисон посмотрел вслед карете и, посвистывая, вернулся в кузницу кончать подкову.

Глава II

ШАГИ В ЗАМКЕ

Ну, хватит о Чемпионе Гаррисоне. Теперь я хочу рассказать подробнее о Джиме — не только потому, что он был другом моего детства и юности, но и потому, что, как вы увидите дальше, эта книга повествует не столько обо мне, сколько о нем, и еще потому, что впоследствии он прославился и его имя было у всех на устах. Так что потерпите, пока я буду рассказывать о том, каков он был в те далекие времена, и особенно об одном удивительном происшествии, которое оба мы, вероятно, никогда не забудем.

Странно выглядел Джим рядом с дядей и теткой — казалось, он был существом другой породы. Я часто видел, как все семейство в воскресный день входило в церковь: широкоплечий, коренастый мужчина, за ним маленькая, усталая, с тревожным взглядом женщина и позади чудесный юноша — четко очерченный профиль, черные кудри, а походка такая пружинистая, легкая, словно он не испытывал на себе силы притяжения, как все прочие тяжело ступавшие по земле жители наших мест. Он еще не достиг тогда своих шести футов росту, но у всякого мужчины (а уж о женщинах и говорить нечего) при одном взгляде на его широко развернутые плечи, узкие бедра, на гордую, орлиную посадку головы делалось радостно на душе, как бывает при виде всего прекрасного в природе, — когда кажется, что и ты тоже помогал сотворить это чудо красоты.

Но красоту мужчины мы привыкли связывать с изнеженностью. Не знаю, почему так повелось, и уж про Джима, во всяком случае, этого никак нельзя было сказать. Из всех, кого я знал, он был самый выносливый — и телом и душой. Кто из всех нас мог сравняться с ним в ходьбе, в беге, в плавании? Кто, кроме него, решился бы взобраться на стофутовый Уолстонский утес, а потом спуститься, не испугавшись самки сокола, которая вилась, хлопая крыльями, над самой его головой, тщетно пытаясь не подпустить его к своему гнезду? Ему едва исполнилось шестнадцать и еще не все его кости окрепли и отвердели, а он уже одолел в бою цыгана Ли, который называл себя Коноводом Южного Даунса. После этой драки Чемпион Гаррисон принялся сам обучать его боксу.

— Лучше бы ты не привыкал давать волю кулакам, Джим, — сказал он. — И тетка будет рада. Но раз уж тебе без этого никак нельзя, я буду не я, если ты хоть перед кем отступишь в наших краях.

И он очень скоро сдержал свое обещание.

Я уже говорил, что книг Джим не любил, но это касалось только школьных учебников, ибо, когда ему попадался роман с приключениями, его, бывало, не оторвешь, пока он не дочитает все до конца. Стоило ему заполучить такую книгу — и Монахов дуб и кузница переставали существовать, и он вместе с героями плавал по морям и океанам или путешествовал по всему свету. Джим и меня заражал своей увлеченностью, так что, когда он провозгласил себя Робинзоном, а рощицу в Клейтоне — необитаемым островом, где нам предстоит провести неделю, я с радостью согласился стать Пятницей. Но когда оказалось, что нам и вправду надо ночью спать под деревьями без подушек и одеял и что пищей нам должны служить овцы (он называл их дикими козами), изжаренные на костре, а огонь мы будем добывать из двух палок, которые заменят нам трут и огниво, мужество мне изменило, и я в первую же ночь сбежал домой. Но Джим